

ВЫСТАВКА современное искусство

В Московском доме фотографии при поддержке Sony открылась выставка Никиты Алексеева и Игната Данильцева «Двенадцать из Гольцхейма». Московские художники после творческой командировки в Дюссельдорф почтили принявший их город, рассказав биографии людей, чьи имена названы его улицы. С историями двенадцати достойнейших дюссельдорфцев ознакомилась ИРИНА КУЛИК.

Кто такие братья Фонченко? Чем славен академик Янгель? Почему москвичам дорого имя Викторико Кодовильи? Кто из нас сможет ответить на эти вопросы, если кого-нибудь вдруг заинтересует, в честь кого, собственно, названы московские улицы? Топонимы, данные в память, увы, не спасают от забвения. Вот и московские художники Никита Алексеев и Игнат Данильцев, оказавшись на стипендии Управления по культуре города Дюссельдорфа (они были удостоены ее после прошедшей в этом городе выставки МДФ «Новое начало. Современное искусство из Москвы», в которой участвовали, см. „Ъ“ от 31 мая 2003 года), тщетно пытались у аборигенов дюссельдорфского квартала Гольцхейм, кто такие Эдит Штерн, Клаус Клеппе, Эрвин фон Видебен. Причем если москвич всегда может отделаться стандартным ответом: «Не то револю-

Игнат Данильцев (стоит) и Никита Алексеев сочинили выставку из уличных указателей ФОТО ДАНИИЛА ИВАНОВА

ционер, не то ученый, не то партизан», в Дюссельдорфе, где одна из центральных набережных носит имя художника Йозефа Бойса, варианты могут быть куда более увлекательными, — в чем и убеждают изыскания художников, представивших истории двенадцати граждан Дюссельдорфа, чьи имена присвоены улицам в квартале муниципальных художественных мастерских.

Биографические справки вместе со старинными архивными фотографиями врезаны в современные цветные снимки табличек с названиями улиц. Вот улица Германа Вейля, поэта и художника-дадаиста, в 1930-м году принявшего монашество и вступившего в орден молчальников-камедулов. Вот — изобретателя Эраха Хупнера, еще в 1907 году демонстрировавшего нечто вроде прото-телевидения. В 1926, как следует из справки, он был приглашен на работу в СССР, где участвовал в секретных опытах по телепортации, а в 1930-е сгинул в сталинских лагерях. Авиатор Феликс Клейн, во время второй мировой сбитый под Сталинградом, а после войны ставший лидером пацифистского движения и конструктором альтернативных летательных аппаратов. Врач и богослов Роберт Бернадис, которому слепота не помешала проводить выдающиеся хирургические операции, в 2002 году вне-

сенный в список кандидатов на беатификацию. Актер и комедиограф Клаус Клеппе, автор брехтианских трагифарсов, в 1930-е заключенный в концлагерь, чудом бежавший оттуда и скончавшийся в 1940 году в Сингапуре от хронического алкоголизма. И так далее. Вполне можно поверить, что все эти персонажи и вправду существовали.

Во всяком случае, их биографии отражают духовные поиски и катаклизмы минувшего XX века. Ведь существовали же люди с не менее причудливыми судьбами — например, один из основоположников дадаизма Хуго Балль, увлекавшийся католической теологией и видевший в дада нечто вроде христианской секты, или тот же Йозеф Бойс, переживший настоящее откровение после того, как его, сбитого над Крымом фашистского летчика, чудом выжили татары. И так ли уж важно, спасают ли авторы выставки своих персонажей из забвения или просто из небытия: почему бы не пополнить пантеон неизвестных героев XX века еще двенадцатью именами?

В проекте Никиты Алексеева и Игната Данильцева можно увидеть продолжение весьма популярных в московском концептуализме (к которому принадлежит господин Алексеев) литературно-художественных мистификаций — например, выдуманного Ильей Кабако-

вым «неизвестного художника Шарля Розенталья», в 1920-е годы предвосхитившего концептуализм, или абстракциониста XVIII века Аппеллеса Зяблова, сочиненного соцартистами Виталием Комаром и Александром Меламидом. Впрочем, никто из «Двенадцати из Гольцхейма» не кажется ни замаскированным альтер эго авторов выставки, ни персонажем альтернативной истории искусства. Двенадцать биографий — это своего рода «жития», истории святых XX века — неслучайно почти все герои проекта так или иначе связаны с религией, пусть и не обязательно ортодоксально христианской, а в их биографиях вполне можно найти и чудеса, и мученичества.

В сущности, увековечение в виде названия улицы — это и есть некий сугубо гражданский вариант канонизации: после смерти особо достойные граждане становятся такими покровителями местности, как встарь ими становились местные святые. И почему-то хочется, чтобы господа Алексеев и Данильцев продолжили свои апокрифические изыскания и в других городах, в том числе в Москве — вдруг окажется, что и мы живем на улице имени какого-нибудь незаслуженно забытого русского футуриста, тем более что, скажем, улицы Казимира Малевича или Велимира Хлебникова на карте столицы нет.